

Батик расскажет сказки В Абакане открылась выставка художницы из Новокузнецка

В ХАКАССКОМ национальном краеведческом музее имени Л. Р. Кызласова начала работать выставка «Сказочная страна Ирины Беловой». В экспозицию вошло 139 работ из серий «День ангела», «Напевы родного края», «На крутых берегах», «Сказка», «Мой город» и других — они посвящены материнству, семейным ценностям и народным сказкам. Отметим, что художница работает в сложнейшей технике «горячий батик».

Матисс из лоскутков

Изделия красноярских мастеров не уступают произведениям искусства

УВЛЕЧЕНИЯ

✎ Геннадий Васильев, Красноярск

Матрешки в массовом сознании ассоциируются либо с лубочным, придуманным символом России, наряду с балалайкой и водкой, либо с детской игрушкой. Но «игрушки» и «символы», которые сочиняет и изготавливает Екатерина Калинина, — настоящие произведения искусства.

Также, как вышитые полотна Татьяны Сливко. Это — пэчворк, от английского «изделие из лоскутов», по-простому — лоскутное шитье или лоскутная мозаика. Изделия сюжетны и отражают не только настроение автора, но и его мировоззрение.

Это — не «липа»

Хотя — как раз липа. Дерево такое. Именно из него делаются матрешки.

— Это мягкое дерево, позволяет точить любые формы, — поясняет Екатерина Калинина. — Кроме того, оно светлое. Можно не тонировать лица, просто расписывать, получается естественный цвет.

А еще липа — дерево почти без сучков, поэтому ее не нужно грунтовать. Катя не грунтует основу будущей куклы никогда. Хотя традиции и стили существуют разные — например, загорские мастера из Подмоскoвья обязательно грунтуют дерево, прежде чем расписывать.

В Сибири липы, мягко говоря, немного. Климат суровый, вымерзает. У нас — береза, осина, хвойные... Поэтому липовые заготовки приходится везти из Подмоскoвья. Катя расписывает свои творения акварелью. Другие художники используют темперу, гуашь, эти краски полностью покрывают текстуру дерева, тогда как акварель — прозрачна, позволяет древесине деликатно проявить себя. Природный рисунок дерева в совокупности с красками образует сочетание, напоминающее шифон.

Вот уже 17 лет деревянные матрешки, неваляшки — профессия Екатерины Калининой. Как часто бывает, хотя и звучит парадоксально, интерес возник по причине отсутствия возможностей.

— В детстве я всегда мечтала иметь матрешку, — рассказывает Катя, — даже не знаю, почему у меня ее не было. Может, они не продавались в Красноярске или стоили дорого?

ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВ

Первую авторскую матрешку — не фабрично-магазинную — она увидела на ярмарке в Москве. В 1991 году приехала к подруге в Сергиев Посад, в то время называвшийся Загорском, подруга повезла ее в столицу, гуляли по Измайловскому парку — и наткнулись. Дух захватило, да настолько, что с ходу решила: «Это — мое!» На том же вернисаже купила несколько деревянных заготовок, кисти — и отправилась обратно в Загорск, предвкушая что-то, чего еще не было. Пакет с заготовками и кистями «благополучно» забыли в электричке, та проследовала дальше по маршруту. Погрустили, но не растерялись — обратились к начальнику станции, тот порации связался с машинистами — и на обратном пути покупки вернулись к хозяйке. Можно воспринимать это как случайность, а можно расценивать как знак.

С тех пор Екатерина и занимается матрешками. Не зная никаких секретов мастерства, работала сначала вслепую. Получались, как говорит, «кривенькие, косенькие» — но, очевидно, были в них и душа, и какая-то изюминка: первые работы ушли через художественный салон в Красноярске очень быстро и не за бесценок. Дальше совершенствовалась, изучала традиции: вот вятская матрешка, вот — загорской школы. В распространенном представлении матрешка — это такая беременная матушка с кучей бере-

менных детишек внутри. Есть в коллекции и такие — многофигурные, где самая маленькая куклолка величиной с горошину. И у нее, самой мелкой — свое лицо, свой характер даже.

Но больше Кате нравится делать неваляшек. Они звенят, разговаривают с тобой. И еще важно — неваляшку можно расписать в один присест, на одном полете вдохновения. С матрешками, где много фигур, так получается не всегда. Но что бы ни выходило из ее рук — удивляет не только техническим мастерством исполнения, но и сюжетами. Они навеяны народными сказками, мифами, просто настроением.

Деревянные друзья-подруги — та же психотерапия. И для тех, кто купит, и для тех, кто их сотворил. Они — настоящие

То, что в этих деревянных, лубочных как будто игрушках нашла она себя, с ходу научилась вкладывать в них свою душу, не случайно. Катя по образованию — врач-психиатр, ее врачебная карьера началась работой с детьми. Там же и окончилась.

— Я поняла, что профнепригодна, — рассказывает она без сожаления. — Не смогла выработать в себе профессионального цинизма, не смогла бесстрастно относиться к

своей задумчивости передать символами, — он уже художник.

Сергей Краснолуцкий, скульптор:

— Я сам в какой-то степени «прикладник», кроме скульптуры, делаю много украшений из камня, металла. И порой эти «поделки» требуют значительно больше времени и творческой отдачи, чем собственно скульптурные работы. Мне кажется, настоящий художник не может не понимать, не чувствовать народное творчество. Мы все, по-хорошему, учимся у народных мастеров, черпаем там какие-то мотивы, традиции. Вспомните куклы или украшения, сотворенные Даши Намдаковым и его родственниками, — они по художественной ценности ничуть не уступают его монументальным работам.

Произведения Екатерины Калининой и Татьяны Сливко штучны, эксклюзивны, как всякое настоящее искусство.

чужой боли. Прихожу домой после работы — и реву.

Деревянные друзья-подруги — та же психотерапия. И для тех, кто купит, и для тех, кто их сотворил. Они — настоящие.

Мир из лоскутков

В мастерской-студии Татьяны Сливко очень пестро. И очень тепло. Во всех смыслах. Редкого человека природа наделяет таким даром — заражать позитивом. Он — в

пошла работать на фабрику мягкой игрушки.

— Не потому, что нужно было отрабатывать практику, а просто было интересно, — поясняет Татьяна. — Довелось не только изготавливать, но какое-то время и продавать фабричную игрушку.

Интерес после практики не пропал, выучилась на швею. Дальнейшее образование получала и продолжает получать, обучаясь на курсах у ведущих мастеров. Швейцария, Санкт-Петербург, Суздаль, встречи с японскими мастерами, которые считаются ведущими по лоскутному шитью. Полотна сюжетны, не всегда, но часто они содержат если не прямой рассказ о чем-то, то некий подтекст, знак для понимающих, «для посвященных».

— В основном это связано с этапами жизни, — улыбается Таня. — Вспомнила о своих корнях — и родилось вот что, — она показывает на шитье с какими-то очевидными, но мне не понятными знаками. — Здесь символически изображен шoфap — еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, в который трубили в канун Нового года. Дневники событий, случившихся в разное время в еврейской истории, будут в какой-то мере отражены в этой работе. Кто видит — тот увидит.

Такие вот, сугубо личные, мотивы не очень часто проявляются в работах. Но раз в полгода, говорит Татьяна, необходимо «включать голову», что-то придумывать новое.

Лови удачу на ярмарке

Случаются выставки, на которых хочется показать себя с новой стороны, бывают ярмарки. Хотя ярмарки — не самый активный канал и для творческого предъявления, и для реализации своих работ.

— Люди на ярмарки приходят покупать глазами, — подтверждает Екатерина Калинина, — скользят мимо.

Расходов же ярмарки требуют очень больших. Причем в столице или Санкт-Петербурге, где шанс найти свою аудиторию и, значит, своего покупателя выше, чем в провинции, — и цены на аренду ярмарочного места несравнимы с провинциальными. Лоскутная же мозаика требует места. Участие в таких мероприятиях — большой риск для бюджета. Тем более что само по себе удовольствие не из дешевых: чтобы создать что-то стоящее, требуется хороший, дорогой материал. В России таких тканей не производят, приходится заказывать и покупать американского, японского, южнокорейского производства. Иногда, впрочем, и на ярмарках случаются удачи: у Татьяны была серия работ в стиле пэчворк по мотивам картин Матисса — на столичной ярмарке ушли почти все.

Свои накопленные знания, опыт, свое умение и художественный вкус Татьяна Сливко сегодня охотно передает ученицам. Впрочем, не только ученицам: в группу затесался мужчина. Случайно? Да нет. Известно ведь, что ничего случайного не бывает. Просто душа художника потянулась к родственной душе.

МНЕНИЕ

Юрий Попов, художник:

— Ни в коем случае не считаю, что «прикладники», как их называют, а точнее — те, кто представляет направление народного творчества, народного искусства, — какая-то другая порода. Многие из них — настоящие художники, чувствующие пропорцию, перспективу, способные найти «золотое сечение». Непрофессионал этого не прочувствует, а профессионал, который, даже не получив специального образования, все-таки всю жизнь оттачивает мастерство, обязательно сумеет сделать так, что найденные пропорции тебя будут привлекать до бесконечности. Не раз на выставках случалось встречать работы, которые заставляли остановиться, восхититься. Мне вообще кажется, если человек задумался и решил предмет